

Частота 112,8 МГц

Владимир Кожевников

Владимир Кожевников

Частота 112,8 МГц

«Автор»

2026

Кожевников В. В.

Частота 112,8 МГц / В. В. Кожевников — «Автор», 2026

Ленинград, 1975 год. Инженер Виктор Анисимов просыпается в чужом теле и чужой жизни. Ещё вчера он разрабатывал 5G в Сеуле, а сегодня — стоит у конвейера завода «Красная Заря», где брак достигает тридцати процентов. Он знает, как исправить линию, но его знания слишком опасны. Одно неверное слово — и его сочтут врагом. Один неверный шаг — и за ним придут. Виктор пытается остаться незаметным, но чем больше он чинит, тем громче звучит его частота. А где-то рядом уже настраиваются на его волну. История о том, как выжить, когда твоё время — не твоё. И о том, что даже одна идеально спаянная плата может изменить всё.

Содержание

Глава 1. Пробуждение в канифольном дыму	5
Глава 2. Волна	7
Глава 3. Испытание	9
Конец ознакомительного фрагмента.	10

Владимир Кожевников

Частота 112,8 МГц

Глава 1. Пробуждение в канифольном дыму

Виктор открыл глаза, и первое, что он почувствовал, — это запах. Не кофе, не пластика, не кондиционера. Пахло пылью, сушёными яблоками и чем-то кислым, вроде старого клея. Потолок над ним был не его. Лепнина, побелка, трещина в форме Волги. Он моргнул. Трещина не исчезла.

Он сел рывком, и голова закружилась так, что пришлось схватиться за спинку кровати. Кровать была металлическая, с никелированными шишечками, скрипучая. Такие кровати он видел только в детстве, у бабушки в Калинин. Он посмотрел на руки. Руки были его, но не его. Моложе. Без пятна от паяльника на левом указательном, которое он заработал в тридцать два, когда случайно коснулся жалом горячего «Ersa». Ногти коротко стрижены. На запястье — часы «Восток» с потёртым кожаным ремешком. Он никогда не носил «Восток». У него были Apple Watch.

Он встал. Ноги держали плохо, как после наркоза. Подошёл к окну. За окном — двор-колодец, типичный питерский: стены, выщербленные временем, бельё на верёвке, голубь на карнизе. Мужик в телогрейке курил у подъезда, и дым его сигареты поднимался вверх, к серому небу. У бордюра стояла «Победа». Не «Тойота». «Победа». Виктор смотрел на неё минуту, две, три. «Победа» не исчезала.

Он вернулся к тумбочке. Открыл ящик. Там лежал паспорт. «Анисимов Виктор Петрович, 1930 года рождения». Фотография — его лицо, но моложе. Лет на двадцать. В паспорте стоял 1975 год. Если он родился в 1930-м, ему сорок пять. Как и было. Только тело — двадцатипятилетнее. Мозг — сорокапятилетний. Память — вся. Вся жизнь: Сеул, Samsung, 5G, холодный кофе, ночные смены, развод с Леной, одиночество. И вот — 1975 год.

Он сел на кровать. Руки затряслись. Это не сон. Слишком много деталей. Во сне не бывает столько пыли на подоконнике. Во сне не бывает запаха сушёных яблок. Во сне не бывает страха. А страх был. Липкий, холодный, под ложечкой. Он застрял. В прошлом. В чужом теле. В чужой жизни. Как вернуться — он не знал. Может, никак. Может, это навсегда.

Он просидел так, наверное, час. Потом встал. Надо было что-то делать. Нельзя сидеть. Движение — жизнь. Он оделся. В шкафу висели рубашки, брюки, пиджак. Всё скромное, но опрятное. На столе — чертёж. Схема транзисторного приёмника. Рядом — логарифмическая линейка. Он взял её в руки. Тяжёлая, тёплая. Пальцы помнили. Он провёл по шкале, как по клавишам рояля. Линейка не соврала. Она была настоящей.

На кухне — коммунальной, с четырьмя столами и четырьмя примусами — его встретила женщина в халате. «Витя, ты чего в такую рань?» — спросила она. Он не знал, как её зовут. «На завод», — сказал он. Она кивнула. «Ну да, у тебя же смена. Хлеба купи, если будет».

Он вышел на улицу. Ленинград. Настоящий. Трамвай на рельсах, звонок, кондуктор в форменной фуражке. Газетный киоск с «Правдой» и «Литературной газетой». Очередь у булочной. Он шёл и смотрел. Всё было таким же, как он помнил из детства, но теперь он был внутри этого, а не снаружи. Он был частью этого. И это было страшно.

На заводе «Красная Заря» его встретил запах. Канифоль. Она пахла сладко и едко одновременно. Пахла домом. Пахла паяльником. Пахла всем, что он любил в детстве, когда отец, инженер, приносил ему с работы куски провода и старые платы. Виктор вдохнул полной грудью. Он был дома. В прошлом. И он не знал, как вернуться.

В цехе было шумно. Гудение трансформаторов, стрекот паяльных станций, голоса. Виктор шёл по проходу, и его никто не останавливал. Видимо, здесь его знали. Он смотрел по сторонам. На столах лежали платы. Много плат. Горы плат. И среди них — бракованные. Он видел это сразу. Слишком много брака. Гораздо больше, чем должно быть. Он остановился у одного стола. Мастер, пожилой мужик с усами, что-то орал на молодого рабочего. «Опять? Опять брак? Ты что, первый день?» Молодой оправдывался. Виктор смотрел на плату. Он видел, что с ней не так. Пайка. Неправильная пайка. Но он молчал. Пока молчал.

Мастер обернулся. Увидел Виктора. Прищурился. «Анисимов? Ты чего тут стоишь?» Виктор посмотрел на него. Потом на плату. Потом снова на мастера. И сказал — тихо, но отчётливо: «Пайка неправильная. Волна не та. Температура не та. Поэтому брак». Мастер открыл рот. Закрыл. Открыл снова. «Ты что, сдурел? Какая волна? У нас всё по технологии». Виктор покачал головой. «Технология устарела. Я могу показать». В цехе стало тихо. Слишком тихо. Виктор понял, что только что пересёк черту. Но отступить было некуда.

Глава 2. Волна

Тишина в цехе стала звенящей. Виктор чувствовал, как она давит на уши. Мастер — его фамилия была Гуцин, это всплыло в памяти само собой, — смотрел на него, как на сумасшедшего. Молодой рабочий, тот, которого только что отчитывали, замер с паяльником в руке. За спиной кто-то уронил отвёртку. Звук был как выстрел.

«Ты чего сказал?» — переспросил Гуцин. Голос у него был низкий, с хрипотцой. Виктор понял, что нужно либо отступить, либо идти до конца. Отступить было нельзя. Он уже видел эти платы. Он знал, что брак — не от кривых рук. Брак — от технологии. А технология — это его хлеб. В прошлой жизни он два года бился над тем, чтобы снизить процент отбраковки на линии поверхностного монтажа в Данжоне. И добился. С 4% до 0,3%. Здесь было хуже. Здесь было 30%. Тридцать процентов брака. Это катастрофа.

«Я сказал, что пайка неправильная, — повторил Виктор. — Волна припой не та. Температура не та. Скорость конвейера не та. Поэтому у вас брак».

Гуцин шагнул к нему. От него пахло табаком и потом. «Слушай, Анисимов. Ты кто такой? Ты инженер? Ты здесь месяц. Ты что, учить меня будешь? Я на этом заводе двадцать лет. Я эти приёмники собирал, когда ты ещё под стол пешком ходил».

Виктор не отвёл взгляда. «Я не учу. Я говорю, что вижу. Вот эта плата, — он взял со стола бракованную плату, — смотрите. Припой не растёкся. Холодная пайка. Контакт есть, но он ненадёжный. Через месяц он отвалится. Или через год. Но он отвалится. И приёмник вернётся к вам с жалобой. Или не вернётся, если его сдадут в металлолом. А вы план сдадите. По бумагам. А по факту — брак».

Гуцин выхватил плату у него из рук. Посмотрел. Потом на Виктора. Потом снова на плату. «Ну, холодная. Бывает. Это рабочий виноват. Не прогрел».

«Не рабочий, — сказал Виктор. — Волна. Температура ванны должна быть выше. И скорость конвейера — ниже. Тогда припой будет растекаться. А у вас конвейер гонят на максимальной скорости, чтобы план выполнить. Вот и результат».

В цехе снова стало тихо. Слишком тихо. Виктор понял, что сказал лишнее. Про план. Про скорость. Это было не его дело. Но слово уже было сказано. Обратно его не засунешь. Гуцин побагровел. «Ты что, хочешь сказать, что мы план выполняем за счёт брака? Ты что, враг? Ты понимаешь, что говоришь?»

Виктор понял, что перегнул. Надо было отступать. Но отступать было некуда. Он уже сказал. И теперь надо было как-то выкручиваться. Он вспомнил, как в Samsung решал такие конфликты. Никогда не говори напрямую, что кто-то виноват. Говори, что можно улучшить. Предлагай, а не обвиняй. «Я не говорю, что вы враги, — сказал он как можно мягче. — Я говорю, что можно сделать лучше. Я могу показать. На одной линии. Если не получится, я уйду сам».

Гуцин смотрел на него долго. Потом сплюнул на пол. «Покажешь. Завтра. В первую смену. Если не получится — напишешь заявление. По собственному».

Виктор кивнул. Он вернулся на своё место — маленький стол у окна, заваленный схемами. Сел. Руки трясло. Он только что поставил на кон всё. Но по-другому было нельзя. Он видел эти горы брака. Он знал, как это исправить. И он не мог молчать. Это было сильнее его.

За окном шёл дождь. Ленинградский, мелкий, серый. Виктор смотрел на него и думал: «Что я делаю? Я же хотел просто выжить. Найти способ вернуться. А вместо этого лезу в драку». Но потом он вспомнил плату. Холодную пайку. И понял, что не мог иначе. Он был инженером. Это было не профессией. Это было диагнозом.

В буфете пахло сосисками и компотом. Очередь тянулась от кассы до двери. Виктор стоял в ней, сжимая в руке талон. Перед ним — женщина в белом халате, из соседнего цеха. За ним

— двое рабочих, молодых, с шутками про вчерашний футбол. Виктор слушал их и понимал, что не понимает половины слов. Это был другой язык. Другая жизнь. Но он был здесь. И надо было жить.

Он взял сосиску с гречкой. Сел за стол у окна. Рядом сел парень, тот самый молодой рабочий, которого отчитывал Гущин. Его звали Серёжа. Он посмотрел на Виктора и сказал: «Вы это... правильно сказали. Про волну. Я давно замечал, что что-то не так. Но молчал. Боялся». Виктор кивнул. «Бояться не надо. Надо делать». Серёжа улыбнулся. «А вы смелый. Я бы так не смог».

Виктор посмотрел на него. Мальчишка. Лет двадцать. В глазах — страх и надежда. Он понял, что у него появился союзник. Может быть, первый. Может быть, не последний.

Вечером, когда он шёл к выходу, его окликнули. Он обернулся. В тени у стены стоял человек. Немолодой, в сером плаще, с портфелем. Виктор его не знал. «Анисимов? — спросил человек. — Виктор Петрович?» Виктор кивнул. Человек подошёл ближе. «Я слышал, вы разбираетесь в пайке. И не только. У меня есть к вам разговор. Но не здесь». Он протянул Виктору визитку. На ней было только имя: «К. В. Дорохов» — и номер телефона. Никакой должности. Никакой организации. Виктор взял визитку. Человек кивнул и ушёл. Растворился в темноте. Виктор стоял и смотрел ему вслед. Он понял, что его заметили. И не только в цехе.

Глава 3. Испытание

Утро началось с гудка. Виктор проснулся от него, как от удара. Гудок был низкий, протяжный, он вибрировал в стенах, в кровати, в костях. Виктор полежал минуту, глядя в потолок с трещиной. Потом встал. Сегодня был день испытания. Или день позора. Третьего не дано.

Он оделся быстро. Рубашка, брюки, пиджак. Всё серое, невзрачное. Он посмотрел на себя в зеркало — маленькое, на стене, с трещиной в углу. Молодое лицо. Глаза старые. Он отвернулся. На кухне выпил чаю — жидкого, сладкого, с сушкой. Женщина в халате — её звали Нина, он запомнил, — спросила: «Витя, ты чего такой бледный?» Он сказал: «Дела». Она покачала головой. «Все у тебя дела. Как отец твой, царство небесное».

На заводе его ждали. Гушин стоял у линии, скрестив руки на груди. Рядом — двое рабочих, которых Виктор не знал. И парторг — Левченко, лысый, в очках с толстыми линзами, с папкой под мышкой. Виктор понял: представление будет с наблюдателями. Чтобы если провал — то публичный. Чтобы если позор — то на весь цех.

«Ну, — сказал Гушин. — Показывай. Или пиши заявление».

Виктор подошёл к линии. Он не волновался. Это было его. Пайка. Он знал её. Он знал её лучше, чем людей. Он посмотрел на ванну с припоем. На термометр. На скорость конвейера. Всё было так, как он и думал. Температура — 230 градусов. Скорость — 1,2 метра в минуту. Для такой геометрии платы нужно было 250 и 0,8. Он знал это. Он делал это сотни раз.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.